

Мариненко И.О. Функции антропонимов в романах И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» : автореф. ... дис. канд. филол. наук. Одесса, 1992.

Подгурска Б.А. Приемы индивидуально-авторских трансформаций фразеологических единиц в романах И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок» и способы их перевода на польский язык : автореф. ... дис. канд. филол. наук. М., 1990.

УДК 821.161.1-1(Платонов А.)
ББК Ш33(2Рос=Рус)6-8,444

Я.О. Шумков

*(Уральский федеральный университет им. первого Президента России
Б.Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия)*

МЕТАФИЗИКА ПОЛА И ЛЮБВИ В ТВОРЧЕСТВЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Аннотация. Целью статьи является анализ метафизики пола и любви в творчестве Андрея Платонова. На материале произведений «Эфирный тракт», «Чевенгур» и «Джан» автор показывает эволюцию взглядов писателя в отношении данной проблематики: от идеи сублимации сексуальной энергии до понимания способности любить как показателя духовной зрелости человека. Предпринимается попытка реконструкции этических идей Андрея Платонова и обосновывается мысль о том, что способность к любви в художественном мире писателя неразрывно связана с исполнением определенного морально-этического идеала.

Ключевые слова: метафизика, любовь, литературное творчество, русская литература, русские писатели.

Философское осмысление проблем любви и пола занимает значительное место в творчестве Андрея Платонова. «Любовь – мера одаренности жизнью людей» [Платонов 2013: 650], – утверждает писатель в неоконченной повести в письмах «Однажды любившие» и, думается, такая высокая оценка этого чувства является плодом тяжелых, продолжительных изысканий и размышлений. Напряженность и предельная честность писателя в метафизических поисках, связанных с полом,

любовью, порождают весьма противоречивые толкования данной тематики в критической литературе. Например, Борис Парамонов приписывает Андрею Платонову гомосексуальную ориентацию, а роман «Чевенгур» дефинирует как «гностическую фантазию на подкладке гомосексуальной психологии» [Парамонов 1991: 128]. Много иронии (подчас справедливой) вызывает у исследователей пламенное отрицание полового чувства, выразившееся в публицистике юного Платонова: «Мы живем в то время, когда пол пожирается мыслью. Страсть, темная и прекрасная, изгоняется из жизни сознанием. Философия пролетариата открыла это и помогает борьбе сознания с древним еще живым зверем. В этом заключается сущность революции духа, загорающей в человечестве. Буржуазия произвела пролетариат. Пол родил сознание. Пол – душа буржуазии. Сознание – душа пролетариата. Буржуазия и пол сделали свое дело жизни – их надо уничтожить» [Платонов 2011б: 6], – пишет двадцатилетний Платонов в статье «Достоевский». Трудно поверить, что такие мысли принадлежат перу автора «Фро», «Реки Потудани» – повестей, вскрывающих глубинные закономерности межполовых и в целом межчеловеческих отношений. Думается, размышляя над философией пола Андрея Платонова, уместно рассмотреть ее в становлении – в ее эволюции от схематичности до удивительных глубин.

Для мирозерцания молодого Андрея Платонова характерно ощущение непрерывно происходящих в мире взаимопревращений различных энергий и веществ. «Товарищ! Вы не знаете основного явления нашей природы: беспрерывно, бесконечно, везде и всегда идет в мире веселая игра – энергия одного вида, одной формы превращается в энергию другой формы. Знакомый нам этот мир только потому и существует благодаря этой трансформации – взаимному превращению энергий друг в друга: света в тепло, тепла в движение, света в электричество, а электричество в свет, и в теплоту, и в движение» [Платонов 2013: 94 – 95], – пишет молодой корреспондент газеты «Воронежская коммуна» безымянному

изобретателю, предложившему проект усовершенствования электропечи.

Из всех многочисленных сил, ведущих «веселую игру», Платонов выделяет одну, наиболее настоятельно требующую трансформации, – ту самую «темную и прекрасную» сексуальную энергию. Причем превращение должно происходить по принципу «меняю минус на плюс»: то есть молодой поэт и публицист предлагает перенаправить разрушительную стихийную мощь эроса на пересоздание и тотальное улучшение окружающего мира. Об этом, например, следующий пассаж из раннего произведения «Рассказ о многих интересных вещах»: «Целомудрие же есть сохранение человеком той внутренней могучей телесной силы – которая идет на производство потомства, обращение этой силы на труд, на изобретение, на создание в человеке способности улучшать то, что есть, или строить то, чего не было» [Платонов 2011г: 101].

Пожалуй, наиболее полное воплощение такая идея сублимации сексуальной энергии находит в повести «Эфирный тракт», где Платонов рисует будущее как своеобразное царство целомудрия. «Нам это не понятно, но тогда будет так. Наука стала жизненной физиологической страстью, такой же неизбежной у человека, как пол» [Платонов 2011е: 84]. Писатель как бы оправдывает своих чудаковатых героев-ученых, либо радикально избегающих личной жизни, либо пытающихся от нее сбежать, как, например, Михаил Кирпичников, который без сожаления бросает семью во имя свободных раздумий над эфирным трактом.

Возможно, сам писатель понимал бесплодность и некую общую неправильность такой гипертрофии сферы интеллектуального, что отражено в достаточно непривлекательном образе Исаака Матиссена – гениального ученого, научившегося эффективно управлять природой лишь силой своего мозга. Противоестественность действий Матиссена, гибнущего вследствие волонтаристского научного эксперимента (по причине которого погибает и Михаил Кирпичников, плывущий домой на корабле), подчеркивается сравнением с крестьянином Петропавлушкиным, живущим в

гармонии с миром, хотя и не пренебрегающим техническими средствами для его освоения. «Петропавлушкин водил автомобиль-грузовичок, улыбался мировому пространству в полях и успокоительно думал о пользе добросердечной науки, коей он сам немалый соучастник» [Платонов 2011e: 65], – пишет Платонов, и в этих строках чувствуется любовь к простому герою, строящему отношения с миром по принципу дружбы, а не насилия.

В целом, можно считать, что ранний Платонов осмыслил идею царства целомудрия, где эрос безостаточно трансмутирует в жажду знания как бесплодную, бесперспективную: в последующих его произведениях мы уже не встречаемся с попытками ее реализации. Зато раздумья о глубинных проблемах пола не оставляют писателя.

Важным этапом на этом пути является, несомненно, роман «Чевенгур», об осмыслении которого Б. Парамоновым мы уже упомянули. Трактовку «Чевенгура» как «гностической фантазии на подкладке гомосексуальной психологии» мы считаем неверной, хотя понимаем, что таинственный платоновский роман дает некоторые поводы для подобной интерпретации.

«До первой чистой зари лежали на соломе в нежилом сарае Чепурный и Сотых <...> Во время его (кузнеца Сотых – Я.Ш.) дремоты Чепурный выпрямлял ему ноги и складывал руки на покой, чтобы он лучше отдыхал.

– Не гладь меня, не стыди человека, – отзывался Сотых в теплой глуши сарая. – Мне и так с тобой чего-то хорошо» [Платонов 2011d: 247]; «Вечером Дванов и Копенкин поцеловались среди дороги, и обоим стало бессмысленно стыдно» [Платонов 2011d: 164].

Можно, пожалуй, увидеть в подобных пассажах намеки на гомосексуализм героев, но мы считаем, что здесь проявляется один из этапов платоновского поиска идеальной формы межчеловеческих отношений.

Контуры этой идеальной формы, как кажется, может помочь уточнить этическая концепция немецко-американского философа и психиатра Эриха Фромма. В своих работах [Фромм 1995] Фромм определяет человеческое положение приблизительно следующим образом: каждый из нас изначально

является обособленным индивидом, и испытывает томительное желание воссоединения с другими людьми. Воссоединение можно установить через объективацию себя или другой личности: через мазохизм или садизм – девиации, при которых человек воспринимает себя или партнера не как полноценных личностей, а как объекты. Другой, более сложный путь, – это вчувствование в другого человека, видение в нем личностного начала. Чтобы стать способным проделывать это, надо совершить большую работу над собой, но только так человек может понять, что такое любовь, считает Фромм.

Описанная Фроммом ситуация обособленности человека, поиска им воссоединения с другими людьми достаточно часто раскрывается в платоновских текстах и варианты выхода из ситуации одиночества у Платонова в целом коррелируют с фроммовскими.

Вариант преодоления отделенности через грубое подчинение окружающих людей (и вещей), через садизм явлен в «Чевенгуре» в жутковатом образе горбуна Кондаева: «От одного вида жизни, будь она в травинке или в девушке, Кондаев приходил в тихую ревнивую свирепость; если то была трава, он ее до смерти сминал в своих беспощадных любовных руках, чувствующих любую живую вещь так же жутко и жадно, как девственность женщины» [Платонов 2011д: 37]. Умеющий строить отношения с окружающим миром исключительно на основе насилия, Кондаев представляет возможную близость с деревенскими бабами, которых покинут мужики, отправившись в город на заработки, через выразительный глагол, отражающий садическую направленность его мышления – «залютовать»: «Второй голодный год поэтому сильно обнадеживал Кондаева – он считал, что скоро один останется в деревне и тогда залютует над бабами по-своему» [Платонов 2011д: 37].

Восприятие мира платоновским Христом – Сашей Двановым строится в векторе, противоположном кондаевскому. Способ преодоления этим героем одиночества и тоски – любовное вчувствование в явления окружающего мира: «Сашу интересовали машины наравне с другими действующими и живыми предметами. Он скорее хотел почувствовать их,

пережить их жизнь, чем узнать. Поэтому, возвращаясь с работы, Саша воображал себя паровозом и производил все звуки, какие издает паровоз на ходу. Засыпая, он думал, что куры в деревне давно спят, и это сознание общности с курами или паровозом давало ему удовлетворение» [Платонов 2011д: 54]. Точно также близко и глубоко Дванов переживает жизнь окружающих его людей и поэтому оказывается способным строить с ними доверительные и нежные отношения. При этом отметим, что, реализуясь в любви братской, Дванов не реализуется в любви эротической. Близость с деревенской бабой Феклой Степановной приносит ему разочарование. От своей нареченной невесты, Сони, Дванов сбегает, едва обретя ее после долгой разлуки.

Возможно, разгадка такой судьбы героя в том, что в близости с женщиной он ищет не удовлетворения примитивных инстинктов, а нечто большего. Чтобы пояснить, чего именно, воспользуемся проникновенными строками из рассказа «Невозможное»: «О, знаю, – её хочу! Но не такую. Я не дотронусь до неё. Ни губы, ни груди мне не нужны. Я хочу поцеловать её душу...» [Платонов 2011в: 300]. Очевидно, понимая невозможность именно такой глубинной близости, поцелуя души любимой, платоновский герой предпочитает Соне братскую любовь чевенгурцев.

Закончивший свой жизненный путь в водах озера Мутево, Саша Дванов, вряд ли может быть назван героем, знаменующим некий финал, окончательную точку размышлений писателя о базовых вопросах пола и любви. В нем заметна гипертрофия духовного начала, но эта духовность – не есть холодная, безжизненная интеллектуальность Матиссена. Это, наоборот, чрезмерная чувствительность к горю, проблемам окружающих, сдобренная одержимостью мечтой о коммунизме как всеобщем братстве – сочетание качеств, подчас делающих героя несколько беспомощным.

Близким по духовному содержанию к Саше Дванову, нам видится герой повести Джан – Назар Чагатаев. Обладая не меньшей, чем Саша, способностью сочувствия окружающему миру (даже в кусте перекасти-поля Назар видит личностное начало), Чагатаев, несомненно, больший, чем Саша реалист,

способный к конструктивному преобразованию действительности. Кроме того, он в определенном смысле исполняет мечту безымянного героя рассказа «Невозможное». «Чагатаев с жадностью крайней необходимости любил сейчас Ханом, но сердце его не могло утомиться, и в нем не прекращалось нужда в этой женщине; он лишь чувствовал себя все более свободным, счастливым и точно обнадеженным чем-то самым существенным» [Платонов 2011а: 219] – редкий для платоновских текстов случай изображения интимной близости, приносящей партнерам радость, а не разочарование.

Общая положительность образа Чагатаева становится более эксплицитной благодаря присутствию в тексте повести антагониста Назара, – районного уполномоченного Нур-Мухаммеда.

Противопоставляя этих героев, исследователи, как правило, делают акцент на различии их ролей в жизни народа джан. Например, филолог Мария Заваркина пишет об этом так: «В отличие от Нур-Мухаммеда, который вычеркивает людей из списка живых, Назар, наоборот, собирает и объединяет народ» [Заваркина 2013: 431].

Мы хотели бы предложить другое основание для противопоставления героев, а именно – их отношение к миру и людям. Чагатаевым движет любовь к миру, его одушевление. Нур-Мухаммед, наоборот, видит вокруг себя лишь неприглядную мертвечину: «Чагатаев вышел к Мухаммеду и спросил его: куда он ведет людей? Нур-Мухаммед поздоровался с Чагатаевым и ответил: – Какие люди?.. Их душа давно рассеялась, им все равно, живут они или нет. Он продолжал идти. Чагатаев пошел рядом с ним. Мухаммед улыбнулся про себя и посмотрел в сторону: даже во тьме окружающая природа была жалка и ненавистна ему, а позади его шли почти несуществующие люди» [Платонов 2011а: 161].

Обратим внимание на то, что Мухаммед ведет народ джан в Афганистан на продажу. То есть радикально объективирует людей, использует их как товар. В художественном мире Платонова, человек, осуществляющий такие действия, имеет статус нравственного калеки и соответственно не способен реализоваться

в любви, что подтверждает сцена близости Нур-Мухаммеда с Айдым, которую достаточно точно характеризует писатель и филолог Алексей Варламов: «“Любовь” Нур-Мухаммеда изображена иначе. Этот человек – сладострастник, чувство, которое Платонову было знакомо и ненавистно до судорог, и авторская ненависть особенно ощущается в сцене изнасилования Айдым громадным мужчиной» [Варламов 2013: 293].

Приведем эпизод, предшествующий этой сцене:

«Нур-Мухаммед прижал к себе девочку с такой силой, что Айдым открыла глаза. Он пошел ласкать ее в уютное песчаное ущелье, соскучившись без счастья от чужого тела. Ни голод, ни долгое горе не могли уничтожить в нем необходимости мужской любви; она жила в нем неумолимо, жадно и самостоятельно, пробиваясь сквозь все жесткие беды и не делясь своей силой с его слабостью. Он мог бы обнимать женщину и зачинать детей, находясь в болезни, в безумии, за минуту до окончательной смерти» [Платонов 2011а: 180].

Словосочетание «мужская любовь» уже встречалось в тексте повести в сцене прощания Чагатаева с Верой и Ксенией:

«– Нет, я не поеду сегодня, – сказал Чагатаев. Он скреб башмаками по полу, борясь с нетерпением своей души перед этой девочкой. Ему было, кроме того, стыдно, что его состояние Вера и Ксения могут понять за жестокую мужскую любовь; он же чувствовал перед Ксенией лишь привязанность, полную смутного наслаждения, человеческого родства и заботы о ее лучшей судьбе. Он хотел бы быть для нее берегущей силой, отцом и вечной памятью в ее душе» [Платонов 2011а: 125].

Какой смысл вкладывает Андрей Платонов в словосочетание «мужская любовь»? Очевидно под этим подразумевается потребительское отношение к женщине, на которую направлена такая любовь. «Мужской любви» Нур-Мухаммеда противопоставляется «полная смутного наслаждения привязанность», «берегущая сила» Назара Чагатаева, подразумевающая ответственность за судьбу близкого человека, радость от самого факта его существования.

Таким образом, выделенная нами в романе «Чевенгур» оппозиция «нравственный калека – нравственный идеал», помогающая раскрыть платоновское понимание философии

пола и любви, также представлена в повести «Джан», причем в более эксплицитном, даже, пожалуй, немного схематизированном виде.

Подводя итоги, заметим, что осмысление метафизики пола и любви в художественном мире Платонова, как нам кажется, невозможно без обращения к этическим идеям писателя, поскольку по Платонову, только человек, достигший нравственной зрелости, реализующий в своей жизни определенные моральные нормы, может быть состоятельным в братской и эротической любви. Эта состоятельность заключается, в первую очередь, в способности доставить радость близкому человеку, и только через это получить личное удовольствие.

Писатель прошел значительный путь в размышлении над метафизикой пола и любви: от идей, резонирующих с содержанием брошюр о сублимации сексуальной энергии 20-х годов, до понимания способности любить как индикатора духовной зрелости человека. При этом на всем протяжении эволюции взглядов писателя мы можем выделить некие константные точки – вещи, отношение к которым у Платонова не менялось и измениться не могло: это утверждение необходимости сочувствия близкому человеку и деятельного участия в его судьбе, и в негативном поле – все формы садизма, насилия над окружающими людьми. Последний способ освоения действительности, согласно Платонову, закрывает для человека путь к любви и умерщвляет его, по крайней мере, нравственно.

Но здесь необходимо уточнение: данный моральный кодекс применим только по отношению к классово близким писателю людям; безразличие к судьбам буржуев и даже их убийство не считается для героев платоновских произведений чем-то зазорным. Данный феномен, на наш взгляд, затруднительно объяснить рациональным путем. Чтобы хотя бы чуть-чуть приблизиться к пониманию ликования, с которым Кирей и Копенкин расстреливают и рубят своих врагов, мы можем лишь вспомнить жуткую формулу Николая Клюева «убийца красный святей потира». В целом же должны признать,

что, несмотря на отчетливо артикулированную идеологическую принадлежность (а на наш взгляд, Платонов на всем протяжении творческой деятельности оставался верным идеям коммунизма, что, правда, проявлялось не в согласии с догматикой советской власти, а в самоотождествлении писателя с рабочим классом и его эксплицитной нелюбви к капиталистическому миру), размышления Платонова о глубинных вопросах любви и пола совершенно не связаны с классовыми противоречиями, принадлежностью того или иного человека к пролетариату или буржуазии. Они имеют общечеловеческое, универсальное значение.

Литература

Варламов А.Н. Андрей Платонов. М. : Молодая гвардия, 2013.

Заваркина М.В. Сюжет «испытания веры» в повести А. Платонова «Джан» // Проблемы исторической поэтики. 2013. №11. С. 427 – 441.

Парамонов Б.М. Чевенгур и окрестности // Искусство кино. 1991. №12. С. 128 – 137.

Платонов А.П. «...я прожил жизнь». Письма [1920-1950 гг.] М. : Астрель, 2013.

Платонов А.П. Джан // Платонов А.П. Собр. соч. : в 8 т. Т. 4: Счастливая Москва. М. : Время, 2011а.

Платонов А.П. Достоевский // Платонов А.П. Собр. соч. : в 8 т. Т. 8: Фабрика литературы. М. : Время, 2011б.

Платонов А.П. Невозможное // Платонов А.П. Собр. соч. : в 8 т. Т. 1: Усомнившийся Макар. М. : Время, 2011в.

Платонов А.П. Рассказ о многих интересных вещах // Платонов А.П. Собр. соч. : в 8 т. Т. 1: Усомнившийся Макар. М. : Время, 2011г.

Платонов А.П. Чевенгур // Платонов А.П. Собр. соч. : в 8 т. Т. 2: Чевенгур. Котлован. М. : Время, 2011д.

Платонов А.П. Эфирный тракт // Платонов А.П. Собр. соч. : в 8 т. Т. 3: Эфирный тракт. М. : Время, 2011е.

Фромм Э. Человеческая ситуация. М. : Смысл, 1995.